

Июльская гроза — эпизод 2 из 8

Девочке теперь стало не так страшно находиться под безлюдным солнцем, в грустном шуме ржи и в тишине ровного полуденного ветра, доброту которого она ясно чувствовала своим лицом и всем телом. Наташа вздохнула с утешением вон уже видна мельница, там мелют зерно, это, наверно, дедушка привез мешок: он знает, что придут внучка со внуком и надо испечь блины из новой муки; старая мука ведь уж вся вышла у них, и из нее плохо всходит тесто, а блины получаются не такие праховые и ноздреватые, как из свежего помола.

Наташа понюхала воздух: пахло соломой, молоком, горячей землею, отцом и матерью. Это было ей знакомо и мило, и девочка понесла брата дальше; он теперь обнял сестру вокруг шеи и дремал, свесив голову за плечо Наташи. И они пошли вдаль по дороге, пролегающей во ржи. Вдруг Наташа вскрикнула и остановилась. Из глубины хлебов вышел к детям худой, бедный старичок с голым, ничем не заросшим, незнакомым лицом; ростом он был не больше Наташи, обут в лапти, а одет в старинные холщовые портки, заплатанные латками из военного сукна, и он нес за спиной плетеную кошелку со щавелем и крапивой, что годится для щей, эту траву он нарвал по пути ради занятия. Старик также остановился против детей. Он грустно поглядел на Наташу бледными, добрыми глазами, уже давно приглядевшимися ко всему на свете, снял шапку, сваянную из домашней шерсти, поклонился и прошел мимо. Нестрашный! подумала Наташа про старика. А пусть бы только тронул, я бы сама ему дала изо всех сил, он сразу бы умер... Некормленный, маломочный какой-то, наверно нездешний!

А старичок тот, отошедши ко ржи, осторожно посмотрел на миновавших его детей. Ему запомнилось лицо Наташи ее серые, чуткие, задумчивые глаза, внимательно открытый, дышащий детский рот, полные щеки и светлые волосы, обгоревшие на солнце и иссушенные полевым ветром. Хорошая будет крестьянка! решил старик. Теперь он старался разглядеть ребенка, которого несла девочка. И этот на нее похож, увидел прохожий. Сомлел и спит. А что ж ему! и старик пошел прочь, уставившись глазами в земляной сор и мелкую траву на дороге. Когда он видел лица детей, ему хотелось или тотчас умереть, чтобы не тосковать по молодой, по будущей, счастливой жизни, или уже остаться жить на свете постоянно, вечно. Но жить постоянно разве это упрaviшься, разве это ему посильно, да и охоты уже нету такой как прежде, и земля как будто наскучила, но иногда ему казалось что настоящая охота жить только и приходит в старости, а в молодых годах этого понятия нет, тогда

человек живет без памяти...

Больше всего старику было жалко детей, и он чувствовал, как от них входит в его сердце томительное, болящее счастье, все еще и до сей поры малознакомое и не прожитое, будто оно было забыто за недосугом, но само по себе давно ожидало его.

Прохожий старик сел в тень, поближе к растущему хлебу, чтобы одуматься. А одумавшись, он хотел заплакать, но передумал. Еще чего! прошептал он вслух, живи, старый человек, старайся! О-го-го, я еще кум королю! Чего мне, тело мое цело, оно при мне, харчей полна изба, я не пьющий, не болящий!.. И старый человек с удовлетворением прилег около ржи, положив свою голову на кошелку с травой. Ходить ему сейчас было жарко и незачем; бумагу в колхоз Общая жизнь он отнес аккуратно и теперь устал, а время у него еще есть впереди: летний день велик, ко двору успеет воротиться. Уже задремав, старик все еще чувствовал сладость в сердце, вспоминая встреченных детей, прошедших молча и робко мимо него, но точно призвавших его к бессмертной, далекой жизни вместе с собою.

Душный ветер умолк над рожью стало тихо, как перед грозой или перед великой сушью; и старик тоже умолк, он уже спал, снедаемый мухами и муравьями, ползавшими по его ко всему притерпевшемуся лицу.

Дед и бабушка Наташи жили в деревянной избушке на краю деревни Панютино. От их дворового плетня начиналось общее ржаное поле, и туда, в это поле, уходила дорога, ведущая сначала в колхоз, где жила дочь стариков, мать Наташи, а затем дальше в другие большие поля, заросшие хлебом и лиственными лесами, орошаемые светлыми реками, утекающими в теплое море... Бабушка Наташи, Ульяна Петровна, с самого утра время от времени выглядывала за ворота, не идет ли ее внучка со внуком. Она еще третьего дня наказала бабе-почтальонше, чтоб почтальонша непременно зашла к ее дочери в колхозе с тем, чтобы дочь отпустила внучку со внуком погостить в Панютино. Должно, почтарка забыла к дочке зайти, думала Ульяна Петровна, вглядываясь в пустую жаркую дорогу во ржи. А ведь ей полтора трудодня за день пишут: ишь ты, льготная какая! Ходит, пыль подолом сгребает только и делов... Либо в совет пожаловаться на нее, что ль!.. Да чума с ней, пускай ходит-мечется, бестолковая! и бабушка закрыла калитку.

Еще с утра, спозаранку она наложила солому в печь, а белое тесто стояло со вчерашнего вечера, и бабушке уже два раза приходилось откладывать его из горшка в глиняную чашку за ночь тесто взошло своим избытком через край. Все было готово, чтобы начать печь блины, но гости еще не пришли и свой старик как ушел с самого утра на озеро рыбу ловить, так и пропал. Наверно, опять сидит в кузнице у кузнеца и разговаривает не о деле. Им чего же: один врёт, другой поддакивает; ведь ее старик всему верит, ему лишь бы самому

было жить интересно и удивительно, а как другие на самом деле живут, он не знает. Он только и ждет, только и надеется, что в мире случится что-нибудь: либо солнце потухнет вдруг, либо чужая звезда близко подлетит к Земле и осветит ее золотым светом на вечное заглядение всем, или на бросовом неудобном поле вырастет сама по себе сладкая, питательная трава, которая пойдет на пользу людям, и ее не нужно будет сеять, а только жать.

Ульяна Петровна посмотрела тесто и тяжело вздохнула: Как я жизнь прожила с таким мужиком!.. Ему никогда ничего и не надо было, а всего-навсего сидеть где попало да беседовать с людьми о самой лучшей жизни, что будет и чего не будет, а дома смотреть на свое добро и думать когда ж это в огне сгорит или в воде потонет, когда все переменится, чтоб ему нескучно было!.. А так он добрый, непривязчивый и меня терпит.

Бабушка старательно помешала чистое тесто: уже пора была из него печь блины, а то оно перестоится и закиснет. Нужно, чтобы хлеб остался целым и вкусным, чем же другим ей было приветить внучку, внука и своего старика? Что есть еще на свете более необходимое, чем это ее бедное угощение? Она не знала... Бабушка не старалась выдумать что-либо другое хорошее или более лучшее, она лишь могла поставить тесто, испечь хлебы или блины, чтобы накормить родню, и сесть на лавку, когда все наедятся, пригорюнившись в утешении. Она не понимала, как еще жить по-хорошему, ей ничего и не надо было более.